

Определение языка, на который сделан перевод

Может показаться, что вопрос этот не представляет особой трудности, однако, если мы примем во внимание, что древнерусский язык, древнеболгарский, древнесербский в домонгольский период были очень близки, а переписчики, отличавшиеся по национальности от переводчиков, вносили в перевод особенности своих языков, то сложность этого вопроса не вызовет у нас никакого сомнения.

В самом деле, древнерусский перевод мог переписываться сербом, болгарином, древнеболгарским — в России, древнесербским — в Болгарии и т. д. На Афоне переводчик сам мог смешивать особенности различных славянских языков и т. д. Для решения вопроса о том, на какой язык сделан перевод: на русский или один из южнославянских (речь идет только о домонгольских переводах), А. И. Соболевский предлагает руководствоваться данными лексики, но не данными фонетики и морфологии, которые могли проникнуть в рукопись через переписчиков позднее¹.

А. И. Соболевский указывает на следующие группы слов, которые характерны только для русских переводов.

Первая группа слов — это названия бытовых явлений и предметов, должностных лиц, мер веса и расстояния, судов, одежд и некоторые другие, характерные только для русских: «посадник», «староста», «гривна», «куна», «резана», «насад», «кожух». Для части этой группы характерны некоторые значения, встречающиеся только у русских: «гривна» в значении денежной единицы, «пиво» в значении определенного напитка, а не в значении питья вообще.

Вторая группа слов — заимствования из других языков, сделанные только русским языком изустным путем: «тиун», «шолк», «плуг», «женчуг», «уксус», «скамья», «кадъ», «керста» или «корста», «пъря» (парус), «обезьяна» и др.

Третья группа — это названия стран, городов, народов, известных по преимуществу русским, но неизвестных или малоизвестных южным славянам: «Кърчева», «Сурожъ», «Суд», «обез», «мурманин» и т. д. Затем А. И. Соболевский отмечает слова народные русские, не встречающиеся в языках южнославянских: «глаз», «лошадь», «хвост», «пирог», «ковер», «думати» (в значении «советоваться») и некоторые сочетания слов: «учити грамоте», «в тъчин» (в то время) и пр.

Наконец, к словам А. И. Соболевский присоединяет и отдельные специфически русские значения слов, встречающихся и в южнославянских языках: «село» — только русское значение «селение» (в южнославянских язы-

¹ См. недавно переизданную работу А. И. Соболевского «Особенности русских переводов домонгольского периода» (в кн.: А. И. Соболевский. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 136).

ках «поле»), «сено» — «сухая трава» (в южнославянских языках «трава» вообще) и пр.¹

В специальной авторецензии на свое издание Хроники Георгия Амартола в древнерусском переводе² В. М. Истрин характеризует признаки русского происхождения перевода: «1. П о л н о г л а с и е. Сами по себе полногласные формы ничего не могут говорить в пользу того или иного происхождения памятника. Полногласные формы Хроники Георгия Амартола встречаются во всех списках и свидетельствуют лишь о том, что Хроника сохранилась только в русских списках. Можно заметить даже в истории полногласных форм постепенное, хотя и незначительное их распространение. Однако не все полногласные формы можно считать позднейшими. Анализ текста приводит к заключению, что часть полногласных форм должно отнести к первооригиналу, так как они читаются во всех списках и в обеих редакциях, на которые можно разделить наличные списки. К числу таких слов можно отнести: о ж е р е ли ю, х о л о п ъ, п о р о м ъ, г о р о д ъ ц ъ, п е р е в о з ъ, г о р о д ъ, м о р о м о р а н ъ, в о л о ч и; в пользу первоначальности полногласных форм п о р о м ъ, п е р е в о з ъ, м о р о м о р а н ъ, г о р о д ъ говорит то, что они употреблены в глоссах.

2. Приставка в ы в соединении с глаголами. Эта приставка в ы является одной из характерных особенностей древнерусского языка, в отличие от южнославянских, где ей обыкновенно соответствуют и з — от = ёξ — διά. С такой приставкой читаются глаголы: в ы клон и ти с а, в ы лагати, в ы селити, в ы на ти, в ы сыпати, в ы скочити, в ы сылати, в ы гнати. Так как во всех данных случаях все списки между собой согласны, то эту русскую особенность надо возводить к первооригиналу, где она является случайным проникновением русской стихии в литературный церковнославянский язык³, почему она и встречается в незначительном числе случаев; переводчик был склонен пользоваться привычными для него приставками из — от.

3. Греческое μβ в переводе “мб”. Такая передача для хроники является правилом в таких словах, как З а м б р и и, К а м б и с і и и т. п. Передача эта до сих пор не объяснена удовлетворительно. Но она встречается в памятниках, русское происхождение которых имеет за собой много данных, как “Повесть об Акире Премудром”, “Житие Феодора Студита”, “Иудейская война” Иосифа Флавия, “Житие Андрея Юродивого”. В древних же переводах заведомо южнославянских мы находим обыкновенно “мв”, как например в сербском Амартоле или в Хронике Иоанна Зонары. Понятно, что не во всех “русских” памятниках непременно должно встречаться “мб” в соответствие греч.

¹ А. И. Соболевский. История русского литературного языка. С. 136–137.

² В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. — Slavia, 1923, год. II, seš. 2, a 3., 460–467.

³ Здесь В. М. Истрин придерживается концепции А. А. Шахматова о возникновении русского литературного языка.

μβ, но сочетание "мв" в них будет объясняться влиянием церковнославянского языка; употребление же в памятнике "мб" будет служить одним из доказательств его "русского" происхождения.

4. Окончание отчества на "ичь" также должно считать за русскую особенность, как "Лагоевичь", "Филиповичь", и др. Такое обозначение отчества проходит через всю Хронику и через все списки, и потому оно должно возводиться к первооригиналу. Частое употребление в одном памятнике окончания "ичь" должно указывать на русскую среду, где князей обыкновенно называли по отчеству на "ичь", как несколько позднее в наших летописях.

В "Иудейской войне" Иосифа Флавия с "ичь" можно сопоставить окончание "ichi" для обозначения рода, как "Иродовичи", что напоминает наших "Мономаховичей" и т. п. В памятниках южнославянских, как сербский Амартол и хроники Зонары, Манассии и Симеона Логофета, ни того ни другого окончания нет.

5. Глоссы. В Хронике наблюдается большое количество глосс, анализ которых заставляет относить их к первооригиналу, а не к какому-либо позднейшему интерполятору, как, например, δοκίτης = "доки́ть рекше μέκο κοπιε", или ἀστοῦς = "ковриг рекше соухым посмаги" и т. п. В двух случаях переводчик указал неопределенно на "свой" язык, именно при ἑβδομάδες = "седмиць рекше недели и а шь с кы" и при δημοσίους = "общий ншим гльмъ повознымъ". Так как здесь глоссируются слова, не оставшиеся в своей греческой форме, но переведенные, то, следовательно, "наш язык" противополагается не греческому, а тому, которому принадлежат слова с ед м и ц а и о б щ и и, т. е. языку церковнославянскому, в котором эти слова являлись обычными переводами соответствующих греческих слов. Переводчик, переводя ἑβδομάδες обычным литературным словом "седмиць" и δημοσίους словом "общим", добавил: "а по-нашему", т. е. "по-русскому", — н е д ъ л и и п о в о з н ы м. Последнее слово еще и потому должно считаться пояснением русского переводчика, что в той же фразе мы встречаем еще другое русское слово о к о р о к ы. Можно обратить внимание на правописание такой глоссы, как Νεάπολιν = рекше Новъ городъ, восходящее в таком виде к первооригиналу. Обыкновенно в хронике употребляется форма град, но в данном случае глосса сопоставилась в уме переводчика с хорошо известным ему "Новгородом", каковое название он и оставил в русской форме. Такого же происхождения и передача тоб Στρογγύλλου каотэллю через Круглого города: там, где каотэллю не имело значения собственного имени, переводчик писал градецъ, в данном же случае для обозначения собственного имени переводчик воспользовался также известным ему в значении собственного имени словом. Самое обилие глосс не указывает ли скорее на русскую среду, нежели на южнославянскую? Глоссы вызывались тем, что многие греческие слова, особенно технические, не были известны тем, для кого предназначалась Хроника. На славянском же юге греческий язык был достаточно известен, настолько, что можно было обходиться без комментариев, т. е. без

глосс. Болгары-переводчики не считали нужным комментировать какое-нибудь ёмбоюс по той причине, что предполагали это слово хорошо знакомым грамотному читателю. Иное дело было на Руси, где такого знакомства с греческим языком, а тем более с греческой обстановкой не было; поэтому переводчики и считали необходимым иные слова подвергать комментариям, как, напр., то же ёмбоюс: и м п о л и р е к ш е у л и ц и п о к р о в е н ъ.

6. И м я Б о х м и т ъ — перевод греч. Μουχόμεδ. Такое наименование встречается только в русских памятниках, как в “Толковой Палее” и в “Летописи”. Слово “Бохмить”, очевидно, есть русская народная передача иноzemного Bohmit, как произносили его волжские болгары, входившие в непосредственное соприкосновение с русскими.

7. С у д для передачи греч. τὸ Στενόν и τὸ Τέρόν. Слова С у д не знают ни сербский Амартол, ни Хроника Логофета, а на Руси в XI веке имя Суд было уже распространенным и всем известным названием и Босфорского пролива и Золотого Рога. В слове Суд совпали два слова: 1. греч. σοῦδα — ров, укрепленный тыном, и 2. скандинавское sund — пролив. Σοῦδа были устроены во многих местах Босфора как для удобной стоянки судов, так и для защиты от нападений. Русские, подплывавшие к Босфорскому проливу для нападения на Царьград, прежде всего встречали τὴν Σοῦδαν, где они и отдыхали после трудного переезда через Черное море. Куда бы они ни приставали, они всюду встречали σοῦδαν. Слово σοῦδα поэтоому среди русских воинов было более в ходу, нежели какое-либо другое, передававшее греческое название Босфора — Στενόν. Когда в половине XI в. происходил перевод хроники, то русский переводчик воспользовался сложившейся уже народной этимологией и греч. Στενόν стал переводить через “Судъ”.

8. Главным основанием при решении вопроса о происхождении перевода любого древнеславянского памятника служит словарный материал. С выдвинутым в свое время акад. А. И. Соболевским положением, что словарный материал церковнославянских книг под пером русских переписчиков оставался, за немногими исключениями, без изменений, следует согласиться. Если мы встречаем в каком-либо памятнике ряд слов, которые должны быть признаны р у с с к и м и, то мы можем не сомневаться в том, что в большинстве они восходят к первооригиналу. Все дело, следовательно, в том, чтобы определить именно русское происхождение того или другого слова. В этом отношении в настоящее время еще не может быть сомнений. Если некоторые слова без колебаний могут быть признаны русскими, то относительно других не может быть такой уверенности. Однако не надо бояться, если иные слова, выставляемые как русские, впоследствии могут встретиться и в памятниках южнославянских. Их наличие в последних не поколеблет вывода о русском происхождении памятника, если рядом с ними мы встретим слова действительно русского происхождения или употребления. Что касается Хроники Георгия Амартола, то в ней встречается немало слов, которые должны считаться безусловно русскими; к ним присоединяются слова, которые хотя и не носят столь явного признака их русского происхождения или употребления, но которые, однако, читаются в других памятниках, русское

происхождение коих основывается на совокупности всех данных, и не встречаются в памятниках южнославянского происхождения. Основным фондом для словарного материала служил церковнославянский литературный язык. Но временами невольно проскальзывала русская народная стихия в виде слов народного, очевидно, разговорного языка; переводчик оставлял обычное литературное слово иставил другое, обычное в его живом говоре. Некоторые из них существуют и сейчас в народном употреблении, а также частью и в литературном. Такими словами, которые могут указывать на русский перевод хроники, являются: болѣсть, бронистець, быль, выньзти, вѣдуниъ, грамотица, гридь, гридити, дружина, дружити, дычъць, заступъ, земъць, израдити, комоница, корста, кубара, ловъ (ловы дѣти), мовьница, наговорити, накупъ, намльвити, неговорливъ, недѣли, одвериє, окорокъ, оладь, орь, осада, польсемы, пополошитисѧ, пристроити, прощеникъ, пуще, скрипаниє, скѣди, слонитисѧ, съльба, съмълвитисѧ, сѣни, трепастъкъ, удѣль, хортица, чинъ.

Все указанные факты дают достаточно материала для признания перевода хроники русским. Во всех них перевод хроники резко отделяется от других родственных памятников южнославянского происхождения, как, напр., хроники Иоанна Малалы, Иоанна Зонары, Манассии, Симеона Логофета и "сербского" Амартола. Наоборот, по крайней мере в словарном отношении, он сближается с такими памятниками, русское происхождение которых, если вполне не доказано, однако имеет за собой много данных, как "Иудейская война" Иосифа Флавия, "Житие Андрея Юрдивого", "Житие Василия Нового", "Пчела" и др. В военно-технической терминологии перевод хроники настолько сближается с русскими летописями, как будто он вышел из одной среды с последними; в этой терминологии переводчик не имел в церковнославянском литературном языке необходимого запаса слов¹.

Впрочем, сколько бы ни было в переводе отдельных признаков его перевода именно на тот или иной конкретный древнеславянский язык, вопрос о языке перевода может всегда оказаться сложнее. С возможностью этих сложных случаев исследователь обязан постоянно считаться. Перевод может делаться группой разноязычных переводчиков, он может перерабатываться в другой славянской стране, может представлять собой свод различных разноязычных переводов и т. д. История текста переводного памятника может быть очень длительной и очень запутанной. Ни один из вопросов текстологического изучения переводного памятника не может быть решен сам по себе, изолированно от других вопросов. Только полная история текста перевода может дать убедительный ответ на любой из отдельных вопросов изучения переводного произведения.

Среди различных доказательств русского происхождения славянского перевода Пролога приводится и такое: греческое βλέμμες переведено русским словом «глазатые», не встречающимся в других славянских языках.

¹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. С. 461–465.

Это русское слово сохраняется и в южнославянских списках Пролога. Пример этот очень убедителен, но только в качестве примера. Чтобы делать какие бы то ни было выводы на основании языка памятника, необходимо проверить весь памятник — весь его язык. Проверка должна происходить и для подборки новых доказательств и для выяснения — нет ли в памятнике противоречащих фактов. В текстологической работе здесь и в других случаях необходимо постоянно помнить о возможности других объяснений и удовлетворяться найденным только в том случае, если устраниены все другие. При этом исследователь обязан как можно шире представить себе все возможные другие объяснения.

Вернемся к Прологу. Нельзя, например, думать, что могут быть только две теории происхождения перевода Пролога с греческого — русская и болгарская. М. Н. Сперанский предполагал, например, что над переводом Пролога с греческого языка трудились совместно болгарские и русские переводчики, причем и те и другие оставили в языке перевода следы своей национальности в языке и в содержании (в Пролог включены памяти славянских и русских святых). Возможным местом такой совместной работы был Константинополь¹. С другим объяснением выступил Н. Петров. Он считал, что «русские и болгарские переводчики не трудились совместно над переводом одного и того же Пролога, а переводили разные его редакции, сведенные в одно целое только в последствии времени»². Совместная работа переводчиков разных национальностей — явление постоянное.

Только на основании изучения языка Кирилло-мифодиевского перевода Евангелия В. А. Погорелов пришел к выводу об участии в этой работе слова-ка, хорошо знавшего латинскую Вульгату³.

Но может быть и так, что над переводом трудился переводчик, который сам смешивал разные языки, особенно если переводчик был из пограничной между двумя странами области или был человеком смешанной культуры.

Полонизмы перевода часто сочетаются, например, с украинизмами и белоруссизмами. Так, например, перевод «Космографии» Меркатора, известный во многих списках, сделан на русский язык, но в нем имеются и полонизмы, и белоруссизмы: «бажант» (фазан), «кляштор сиречь монастырь», «место» (город), «Брытания». Латинское «g» часто передается через «кг»⁴. Перевод «Сарматии» Гваньини сделан на русский язык, но встречаются наряду с церковнославянismами и полонизмами — украинизмы: «що» (что), «на нывах», «посреде хати» и т. п.⁵

¹ М. Н. Сперанский. История древнерусской литературы. М., 1914. С. 197—203.

² Н. Петров. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1875. С. 98.

³ В. А. Погорелов. О Кирилло-мифодиевском переводе Евангелия. — Труды V съезда русских академических организаций за границей. София, 1932. С. 324.

⁴ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 60.

⁵ Там же. С. 77.

Если в рукописи смешаны черты разных изводов, то наиболее вероятно, что древнейшие черты будут те, которые не соответствуют изводу самой рукописи. Так, в сербской рукописи черты болгарской лексики указывают на болгарский текст, переписывавшийся сербом и приобретший сербские черты. Конечно, если текст несколько раз переходил из страны в страну или от переписчика одной национальности к переписчику другой национальности, — такого рода суждение очень приблизительно. Во всяком случае, служить признаком того или иного извода такое соотношение их черт не может.

В. В. Виноградов в «Заметках о лексике «Жития Саввы Освященного»»¹ отмечает наличие разных языковых слоев в русском списке XIII в. этого произведения — русских и болгарских. В. В. Виноградов пишет: «Не подлежит сомнению, что «Житие Саввы» представляет собою список, впрочем, значительно обруссевший, с «болгарского» оригинала. За это определительно говорят сохранившиеся в графике черты древнего оригинала (тысоущь дльзъ, мена ъ и ь, переход о в ou в твор. п. ед. ч., может быть мена ы и ь, оконч. ouоумоу и др.) и лексика «Жития Саввы»². В «Житии Саввы» нет ни одной из ярких лексических особенностей русских переводов, которые выдвинуты акад. А. И. Соболевским в качестве критерия при решении вопроса о месте перевода³. Слова, общие древнерусским и церковнославянским текстам, в «Житии Саввы» употребляются в значениях, свойственных этим последним, напр.: страдати (всегда: πάσχειν), лаяти (не о собаке, см. 523; год оуляявшее — κατροῦ ἐπιτηδείου δραξάμενοι)⁴, село (σκήνωμα; ср. то же значение в 1 и 2 кн. Царств. Публ. библ. F. № 1. 461)⁵, скот (κτῆνος)⁶ и др.»⁷.

¹ В. В. Виноградов. Орфография и язык «Жития Саввы Освященного» по рукописи XIII в. (раздел «Заметки о лексике «Жития Саввы Освященного»»). — В кн.: Памятники древнерусской письменности. М., 1968.

² См. данные историко-литературные в исследованиях Д. И. Абрамовича и С. П. Розанова (Известия ОРЯС, т. III, кн. 1; т. XVI, кн. 1). (Примечание В. В. Виноградова).

³ Акад. А. И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода. (Материалы и исследования). С. 162—177. — В списке русских переводов нет упоминания о «Житии Саввы». Правда, очень употребительные в «Житии Саввы» формы 3 л. ед. ч. аориста вроде бы, я, вза , нача можно истолковывать как указание на русское происхождение перевода, но они легко объяснимы, как возникшие под пером русских переписчиков. См.: ibid., с. 164, примеч. (Примечание В. В. Виноградова).

⁴ Ibid. С. 166, примеч. (Примечание В. В. Виноградова).

⁵ А. И. Соболевский. Церковнославянские тексты моравского происхождения. — Русский филологический вестник, 1900, № 1—2. С. 164. (Примечание В. В. Виноградова).

⁶ Мы упоминаем лишь те слова, которые по тем или другим соображениям выдвигаются акад. А. И. Соболевским. (Примечание В. В. Виноградова).

⁷ В. В. Виноградов. Орфография и язык «Жития Саввы Освященного». С. 194—195.

Таким образом, чтобы решить — на какой язык был сделан перевод в случае смешанного извода текста, — необходимо принять во внимание различные обстоятельства: какой слой может считаться последним, каково происхождение самой рукописи (по данным палеографии), есть ли существенные признаки в лексике или один из изводов касается только фонетики и морфологии (которые изменяются легче) и не затрагивает лексики и пр.

Чем сложнее явление, тем оно должно быть конкретнее объяснено. Можно сказать даже, что конкретное объяснение сложного явления бывает особенно убедительным, поскольку сложное явление затрудняет возможность многих объяснений.

Приведем пример. А. И. Соболевский исследовал Типик Хиландарский, который перед тем исследовали А. А. Дмитриевский и И. В. Ягич. Типик Хиландарский — перевод с греческого. Переводчик не всегда умел разобраться в греческом и примешивал к церковнославянскому языку своего перевода народные слова — сербские и болгарские. И. В. Ягич указал фонетические и морфологические особенности, которые могут быть объяснены только из среднеболгарского языка, частично непонятые и исказенные переписчиком-сербом. А. И. Соболевский отмечает, однако, что сербизмов в старшем списке Типика Хиландарского столько, что они не могут быть объяснены только исказениями переписчика-серба. Кроме того, исследуя лексический материал, А. И. Соболевский обратил внимание на обилие русских слов: «больница», «печаловати», выражение «тебе больше дано, а мне позлее» и пр. И все это рядом с типичными южнославянismами («свѣнѣ», «сикъ», «забѣлѣжити», «новакъ», «хоботница», «добытъкъ», «перепера»). А. И. Соболевский предположил, что перевод сделан русским монахом на Афоне. Русский монах жил на Афоне в постоянном окружении южнославянских монахов, и только это сочетание в единственном в своем роде месте на Афоне могло привести к тем сложным особенностям, которыми отличается язык перевода Типика Хиландарского¹.

Конкретность объяснения А. И. Соболевского в том, что он приурочил перевод к Афону и к русскому монаху, долго там жившему. Но если бы удалось найти еще переводы с теми же особенностями и открыть имя переводчика и обстоятельства, при которых перевод делался, — объяснение можно было бы считать завершенным.

¹ А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — В кн.: Сборник ОРЯС АН, т. 88, вып. 3. СПб., 1910. С. 183—185.